

Снять «Хрусталева» — фильм о сталинском времени — в 89-м — 90-м годах было невозможно. Он получился бы обличительно-рутинным. Последние годы — трагические, ужасные, прекрасные — породили более мудрое отношение к прошлому, желание попробовать не судить никого, просто рассказать историю возвышения и падения человека, а уж вы, дорогие зрители, судите. Как будет с прокатом, не знаю. Надеюсь, что на дистанции фильм свое наберет, как было со всеми моими картинами. Я вообще считаю, что это унизило для художника — программировать свой успех.

Почему так долго снимал? Вот, например, был случай: идут съемки, у меня два артиста сидят на тракторе, а ко мне подходят и говорят: «Алексей Юрьевич, ради Бога, извините, нам нужен трактор — мы за него задолжали». И трактор забрали. В следующий раз привезли через полгода. Слава Богу, оба актера дожили и доснялись, а был у меня случай, когда артист не дожидаясь конца съемок...

Сейчас я по-прежнему не могу сказать, когда фильм появится на экранах. Все зависит от того, как дальше пойдет дело. Будут ли деньги, нормальный монтаж... Кроме того, картина снята на черно-белом «кодаке» — у нас его не умеют проявлять, надо ехать за границу... И вот когда это все произойдет, я наконец освобожусь от этого ужаса (или радости) своей жизни.

Вообще какое-то важное ощущение кино я сейчас утратил. Это одна из причин, по которой мне хотелось бы поработать в театре. Мне кажется, театральных актеров раскачать на искусство легче. Театр меньше подвержен американизации, а для России американизация — беда: мы другие, у нас это явление приобретает уродливые, постыдные формы. Кстати, Голливуд ведь немного стесняется сам себя. Он с огромным уважением говорит о Феллини, Бергмане, но как о чем-то мало связанном с собственной деятельностью: ну они-то, мол, — это же искусство...

Может быть, через несколько лет начнется бурное возрождение кинематографа. Я не верю, что обезьяньи прыжки заменят Годара или «Одинокий голос человека». Это несправедливо и быть не может!

А в нашем кино вычеркнут целый пласт кинематографистов. Вот и идущие за нами почти вычеркнуты, и идущие за ними тоже уже вычеркнуты. Наиболее интересный, с моей точки зрения, режиссер, работающий у нас на «Ленфильме», Игорь Олиппов просто не может получить работу. Потому что он неловкий, не умеет уцепиться, занять свое место, вовремя позвонить продюсеру... И таких, как он, много. Самые та-

В жизни одного из лучших наших кинорежиссеров сразу три значительных события.

Во-первых, Алексей Герман завершил наконец съемку своего нового фильма «Хрусталева, в машину!» Три с половиной года (чистого времени), которые снимался этот фильм, — абсолютный рекорд отечественного кинематографа.

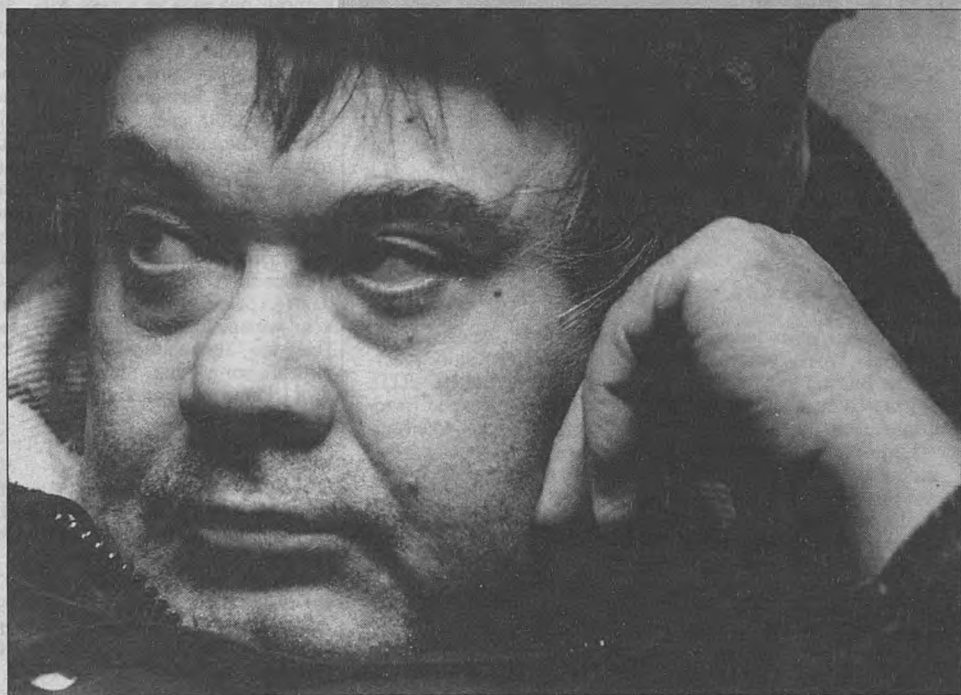
Во-вторых, Герман собрался поработать в театре. Между прочим, в свое время он начинал как ученик Товстоногова.

А в-третьих, он со дня на день переезжает из Петербурга в Москву.

Радищев уже обменял. Вот что обо всех этих событиях говорит сам Герман

Кажется, в словосочетании «наше кино» какая-то ошибка. И слух ее фиксирует... Все, понял! Пропущено целое слово. «Наше старое кино» — вот теперь правильно. И все же, думаю, утверждение, что российское кино сыграло в ящик (хоть и телевизионный), не совсем верно. Это еще один новомодный стереотип, от которого веет подвальным холодом цинизма. Да, кинематографическая индустрия у нас в глубокой депрессии. Но при этом появляются и хорошие фильмы. С режиссером одного из них («Американская дочь») Кареном Шахназаровым мы устроили сегодня свидание для вас. А Алексей Герман, доказавший своим «Лапшиным», что кино — полноценное искусство (не заснятый на пленку спектакль, не проиллюстрированная живыми людьми литература и даже не движущиеся картинки — уж скорее ожившие фотографии), наконец приступил к монтажу новой картины. Читателям «Новой газеты» Герман сегодня рассказывает о своих проблемах. Но мне посчастливилось видеть отснятый материал германовского фильма, и позволю себе выразить уверенность: проблемы забудутся, а фильм останется. Причем в золотом фонде мирового кино. К сожалению, это вряд ли произойдет с новой комедией Рязанова «Привет, дурали!». Но само по себе желание снять знаковую комедию конца 90-х можно только приветствовать. Другое дело, что наше сознание и реалии времени меняются явно быстрее, чем средства их воплощения... А для того чтобы понять: у нашего кино есть будущее — достаточно почитать альманах «Киносценарии».

● Олег ХЛЕБНИКОВ

Алексей ГЕРМАН

Обезьяньи прыжки и «Одинокий голос человека»

лантливые из них уехали или уедут из Ленинграда.

Я сам сейчас переезжаю в Москву, хотя люблю Ленинград, он мне кажется красивым, а Москва — нет. Но здесь хоть что-то бурлит. А в Ленинграде печально. Людей искусства все меньше: ушли Товстоногов, Козинцев, мой отец, куда-то в сторону отошел Гранин, не печатается Конечный. Хотя и существует театр, происходит какое-то замирание искусства,

худо с литературой... Пусть лично у меня все как будто нормально: я художественный руководитель киностудии, могу что-то заработать, все время приходят какие-то предложения. Но мне в этой системе ценностей неинтересно, я не вписываюсь в нее, чувствую себя некомфортно. Хочется перебраться в комнату и нигде не выходить.

И еще, у меня на «Ленфильме» монтажники не получают

денег, свою зарплату. Когда не получает зарплату кинооператор — известный человек и хороший оператор — а в паузах между съемками красит машины, это, конечно, безобразно, но ладно, мы с ним как художники разберемся. А монтажница, которая пленки готовит, обязана получать зарплату. В Москве по крайней мере есть куда ходить и требовать.

● Записал О. Х.